

Летнее солнце светило ярко и припекало землю. Был полдень, и Геральт и Иви ехали и верхом, и пешком уже шесть или семь часов. Между ними было очень мало разговоров, но не потому, что Иви нечего было сказать. Было так много всего, что ей хотелось спросить и обсудить с Геральтом. Однако он ясно дал понять, что разговор будет отвлекать и что ему нужно, чтобы все его чувства были настроены на крайне опасную обстановку. Если «Битва при Неккерском лугу» накануне не убедила ее в этой реальности, то то, что произошло потом, определенно убедило ее.

Когда они ехали вместе с ведьмаком впереди, Геральт внезапно остановился и сжал руку в кулаке — ранее они договорились подать сигнал «замри». Он немедленно применил Аксий к обоим лошадям, чтобы они оставались спокойными и тихими. Быстро спешившись с Роуча, он схватил поводья Иви и повел их под густую крону ближайшего дерева. После почти тридцати секунд молчания Иви услышала отдаленный «свистящий» звук, а несколько мгновений спустя тень пересекла местность перед ними. Она всмотрелась сквозь ветки дерева и увидела невероятно большое летающее существо. Она сразу подумала, что видит дракона. Выглядело так, будто оно было не менее тридцати футов в поперечнике, от кончика крыла до кончика крыла. Ее сердце начало колотиться, а мышцы напряглись, пока она ждала, что произойдет дальше. Пока зверь продолжал лететь на запад от двух путешественников, Иви глубоко вздохнула. Она даже не заметила, что задержала дыхание.

— Всего лишь василиск. Пошли, — спокойно заявил ведьмак, как будто не видел ничего, кроме бродячего щенка, перешедшего ему дорогу. Он повернулся, чтобы посмотреть на Эви, и увидел, как на ее глазах навернулись слезы. "В чем дело?"

Внезапно на ученого обрушился стресс предыдущих двадцати четырех часов.

«Какого черта я здесь делаю?» В ее голосе были нотки паники. «Я провел большую часть своей жизни в классах, библиотеках и музеях. Я не какой-то закаленный в боях воин. Я бы не продержался здесь и часа в одиночку. И я, вероятно, собираюсь убить тебя. В какой-то момент на нас снова нападут, и ты отвлечешься, беспокоясь о моей защите, и это даже не учитывая, что за нами, вероятно, уже есть батальон нифльгаардских солдат. Если монстры не доберутся до нас, то они это сделают».

Ведьмак посмотрел на нее, почесал подбородок и слегка кивнул головой.

«Это звучит примерно правильно».

Она покачала головой и рассмеялась, но в этом не было никакого веселья.

«Значит, ты даже не собираешься подшучивать надо мной и говорить, что я не прав, и говорить, что у нас все будет хорошо?»

Он покачал головой.

«Я не даю обещаний, которые не могу выполнить».

На ее лице появилось выражение растерянности.

«Тогда почему... почему ты это делаешь? Ты рискуешь своей жизнью ради меня, а мы знаем друг друга едва ли неделю. Почему ты мне помогаешь?»

Геральт долго смотрел на Эви. Ведьмак знал, что может дать ей банальный ответ и просто покончить с этим. Тогда они могли бы отправиться в путь. Но он сомневался, что она поверит

банальному ответу. Она была для этого слишком умна, а они уже поделились друг с другом столькими интимными подробностями, что делать это все равно не имело никакого смысла. Он раздумывал, стоит ли говорить ей: «Потому что ты мой шанс изменить ситуацию. Ты моя морская звезда. Тебе нужна помощь против темных приливов и штормов этого мира, а здесь больше никого нет». Он даже подумывал сказать: «Потому что ты мой «переигравший». Я не спас Цири, поэтому сделаю все возможное, чтобы спасти тебя». Но он не дал ей ни одного из этих ответов. Хотя оба эти утверждения были правдой, они даже близко не передали полную историю его мотивов.

Наконец он спросил: «Вы верите, что Бог существует?»

Его вопрос был настолько неожиданным, что она просто спросила: «Что?»

«Вы верите, что существует настоящий Бог? Не деревянные идылы или статуи, которым люди поклоняются, а настоящий, законный Бог? Какая-то высшая сила, которая создала все это?»

«Я... какое это имеет отношение к тому, почему ты мне помогаешь?»

Ведьмак медленно выдохнул и сказал: «Давайте присядем. Это может занять некоторое время».

Когда они оба сели в тени дерева, ведьмак полез в передний карман за трубкой. Обнаружив его пропажу, он вспомнил, что в последний раз использовал его как оружие в баре Тарсус.

«Черт. Это определенно будет разговор о курении трубки», — сказал он с задумчивой улыбкой.

Иви просто сидела, сложив руки на коленях, и отвечала ему улыбкой. Она уже немного поняла ведьмака – что ему иногда нужно время, чтобы привести в порядок свои мысли, а ей просто нужно дать ему минуту непрерывного молчания.

И действительно, через несколько секунд он посмотрел в глаза Иви, глубоко вздохнул и начал.

«В моей жизни был момент, когда я был моложе, когда я подумал, что должен быть бог. Я не могу точно вспомнить, сколько мне было лет – вероятно, когда я был подростком или чуть больше двадцати. на Пути, лежа под звездами каждую ночь и созерцая Вселенную - задаваясь вопросом, просто где были созвездия. В какой-то момент я понял, что Вселенная должна продолжаться вечно. Ей не может быть конца, стена, окружающая его, потому что, если она есть, следующий логический вопрос: «А что же находится по другую сторону этой стены?» И эта идея... идея бесконечности – отсутствия границ, начала и конца – просто заставила меня поверить, что должен быть бог, нечто большее, чем я. мой разум вращается вокруг концепций бесконечности... или вечности. Это та же самая концепция, если я задам вам вопрос: «Откуда вы пришли? Кто вас создал?»

"Мои родители."

— Верно. И кто их создал?

"Их родители."

«Правильно. Но этот процесс не может идти в прошлое навсегда. По логике вещей, должен был быть первый человек, или, скорее, первая пара, которая все это начала. Но тогда возникает вопрос: «Ну, тогда кто создал эту первую пару?» Верно? Они должны были откуда-то прийти. И единственный ответ, который я мог придумать, это Бог. Какая-то высшая сила – за пределами

нашего пространственно-временного континуума – которая не была создана, которая просто существовала всегда, вечно. ."

«Знаете, некоторые люди предполагают, что творца не существует, что Вселенная возникла случайно — в результате спонтанного взрыва газа и частиц».

При этом Геральт вытащил из ножен свой серебряный меч и выставил его перед собой. Несколько солнечных лучей пробились сквозь крону дерева и сверкнули на его вершине.

«Посмотрите на этот меч. Посмотрите на уровень детализации, сложность. Может ли кто-нибудь честно поверить, что этот меч появился случайно, что все его части просто случайно образовались вместе? Никто в здравом уме не поверит этому. Очевидно, , кто-то должен был спроектировать и создать его. И этот меч даже отдаленно не может сравниться со сложными деталями, найденными в наших телах или найденными в природе».

«Эй, я не говорила, что верю в это. Я просто играю в адвоката дьявола», — заявила Иви с улыбкой.

«Достаточно справедливо, но даже если эта теория верна, тогда мой вопрос: «Откуда взялись газ и частицы?» Кто-то или что-то должно было их создать. "Кто-то" или "что-то" существовало всегда. Я просто никогда не поверю, что что-то естественным образом может быть создано из ничего. В этом мире нет ничего, что заставило бы меня поверить, что это возможно. Даже магия не может этого сделать. Даже колдуны, когда они что-то создают, просто берут энергию, уже найденную в природе, и трансформируют ее во что-то другое. Только сверхъестественное может создать что-то из ничего».

Эви только кивнула головой. Ей нравилось его слушать, она хотела лучше его понять. И если она была правдива, то была слегка поражена тем, насколько глубоки и проницательны его мысли. Он в очередной раз разрушил предвзятые представления мира о том, как мыслит и действует ведьмак. В этот момент она решила, что ей просто нужно взять свою копию Monstrum и выбросить ее в мусорное ведро.

«Это имеет смысл», — сказала она, снова кивнув головой, поощряя его продолжать. «Пока сложно опровергнуть твои утверждения. Хотя... я до сих пор не уверен, к чему ты клонишь».

«Я доберусь туда. Обещаю», — ответил он. «Итак, как только я определил, что должна существовать какая-то сверхъестественная сущность, я начал пытаться узнать об этом больше. И большинство людей – религий – считают эту сверхъестественную сущность богом. И, позвольте мне сказать вам, Я изучил их всех — Мелителе, Креве, Нильфгаардское Солнце, Фрейю, Вечный огонь, пророка Лебиоду — и это лишь некоторые из них. Но чем больше я исследовал, тем больше я разочаровывался. Я обнаружил, что все они Ни одна из этих религий не могла ответить на мои вопросы: как мы появились, кто мы, почему мы здесь, почему этот мир так разрушен или что происходит после смерти.

«В конце концов, мое разочарование привело меня к цинизму. Я пришел к выводу, что чем бы ни была эта высшая сила, это просто безразличная, безразличная сила, которая совершенно не вмешивается. Я начал относиться к религиям как к шутке, а к религиозным людям – как к дуракам. У меня были длительные отношения, и мы с ней издевались над людьми, которые молились, высмеивали людей, которые верили, что существует какой-то личный бог, который действительно заботится о них и соблаговолит им помочь. и слабые – слишком безвольные и слишком слабоумные, чтобы прожить жизнь самостоятельно.

«Но моя проблема с религией заключалась не только в том, что никто из них не был способен

удовлетворительно ответить на мои вопросы. Была еще одна причина, по которой ни одна религия никогда не находила у меня отклик».

"Который был?" — спросила Иви.

«Они не приносят мне то, что все религиозные люди утверждают, что их религия приносит – в частности, мир и свободу. Душевное спокойствие и свободу от страха, свободу от вины. Если свести все религии к их сути, они все одинаковы. ...Все они требуют от меня следовать произвольному списку того, что можно и чего нельзя, если я хочу достичь нирваны, или рая, или следующего царства, или того, что они называют «принятым» или признанным «достойным» их богом. «Праведность» или способность перейти на следующий уровень — все сводится к тому, могу ли я совершить в жизни больше хороших дел, чем плохих».

— Хорошо, но что в этом плохого? — спросила Эви. «Я думаю, что с такой системой суждения вы бы согласились. Я знаю, что мы знаем друг друга совсем недавно, но из наших разговоров кажется, что идея «справедливости» - это что-то вы дорожите. Так что же плохого в идее о том, что хорошие дела приводят к хорошим последствиям, а плохие поступки приводят к плохим последствиям? Разве не в этом, по сути, и состоит справедливость?»

Ведьмак кивнул. «Абсолютно. Я твердо верю в справедливость, и мое определение справедливости заключается в том, что мы получаем то, что заслуживаем. Если я совершаю «праведный» поступок, я заслуживаю награды, а если я совершаю злой поступок, то я заслуживаю наказания. И вот почему у меня проблемы с каждой религией, с которой я когда-либо сталкивался».

— Геральт, скажу честно, кажется, ты сам себе противоречишь.

Он покачал головой. «Все просто. В религии, которая использует воображаемые весы как метод определения своей вечной судьбы, нет справедливости. На первый взгляд такая система выглядит честной и справедливой, но на самом деле это не так. Приведу пример. В качестве гипотетического примера предположим, что за неделю до того, как я спас вам жизнь, я убил человека из жадности – просто чтобы забрать его деньги. И у этого человека были и жена, и ребенок. Затем, неделя позже я спасу твою жизнь от тех четырех бандитов в баре. Итак, за неделю я забрал жизнь и спас жизнь. Уравновешиваются ли эти два действия на этих весах? мой единственный хороший поступок стирает мой единственный плохой поступок? Религии так говорят. Религия утверждает, что если я делаю что-то «плохое», то я должен сделать что-то «хорошее», чтобы «расплатиться за это». Чтобы сбалансировать это, стереть все с чистого листа. И эта «плата» будет отличаться в зависимости от конкретной религии. В некоторых религиях платой может быть молитва, для некоторых это может быть то, что я должен подавать милостыню, для других это может быть то, что я должен наказать себя физически или дать обет молчания, что угодно. Но независимо от религии и независимо от «оплаты», все равно все сводится к тому, что мои «хорошие» дела должны перевешивать мои «плохие» дела. Но я не верю, что это справедливость. Я могу гарантировать вам, что жена и ребенок человека, которого я гипотетически убил, определенно не подумают, что это справедливость. Насколько справедливо и честно то, что я убил их мужа и отца и не буду иметь никаких вечных последствий просто потому, что неделю спустя я спас тебе жизнь? Это не справедливость. Это не значит, что я получаю то, что заслуживаю».

«Хорошо, я понимаю, о чем вы говорите. Но ради аргументации скажем, что не все действия равны. Не все «хорошие» или «плохие» действия имеют одинаковую ценность или «вес». 'на весах'.

«Хорошо. Давайте подумаем об этом логически. Итак, предпосылка состоит в том, что не все действия имеют одинаковый вес. Итак, если я совершу один действительно отвратительный поступок, то мне придется совершить пять или десять хороших поступков в качестве платы за это – чтобы сбалансировать это на весах. И один действительно добродетельный поступок – например, спасение жизни – уничтожит пять или десять мелких плохих поступков. У меня есть несколько проблем с этим типом религии.

«Во-первых, как я уже говорил ранее, это совершенно произвольно. Никто из нас не знает, в чем заключаются уравнения. Не существует «диаграммы» от Бога, утверждающей, что одна ложь равна пяти случайным добрым делам. Или, чтобы уравновесить кражу "Я должен отдать в десять раз большую сумму на благотворительность. Черт возьми, все ли кражи одинаковы? Если я украду у кого-то просто потому, что я жадный, это то же самое, что если я украду у кого-то, потому что моя жена и дети голодают" и у нас нет еды, поэтому я украл немного хлеба, чтобы они могли жить? Или что, если человек, у которого я украл, - богатый скряга-расист, который презрен и обращается со всеми как с грязью? Делает ли это воровство «легче» с точки зрения воображаемого масштаб по сравнению с кражей у доброго, бедного фермера, у которого самого едва хватало денег, чтобы прокормить свою семью? Никто и ни одна религия не может ответить на эти вопросы.

«Кроме того, я не могу говорить за кого-либо еще, но я искал Бога, потому что я искал ответы. Я искал душевного спокойствия. Я искал мира в своей душе. Эти религии, которые я изучал не дают и не дали бы мне ничего из этого, потому что они просто превратили бы меня в ничего, кроме бухгалтера-моралиста».

«Подожди. Что ты имеешь в виду?

«Что касается религии, то в конце каждого дня мне пришлось бы подсчитывать все свои «плохие» мысли, слова и поступки и помещать их в отрицательный столбец. А затем мне пришлось бы складывать все мои добродетельные мысли, дела и поставлю их в столбец плюс. И тогда мне придется надеяться, что мои хорошие дела уравновесят плохие. А если нет, то мне придется как-то расплачиваться за это, и мне лучше расплатиться перед сном. Потому что в противном случае, если я умру прежде, чем смогу сбалансировать это, то я обречен на вечность. А на следующий день, угадайте, что? Мне придется делать это снова. И я буду делать это каждый день для остаток моей жизни. Знаешь что - черт с этим. Меня не интересует этот тип религии. В этом нет мира. Это было бы только утомительно. И в этом нет никакой свободы. Это просто поработило бы меня постоянное беспокойство – постоянное беспокойство о том, где я находился с Богом в тот конкретный момент».

Эви кивнула головой. «Я понимаю вашу точку зрения». Через мгновение она продолжила. «Это ваши единственные претензии к религии или у вас есть еще?» — спросила она с улыбкой.

Геральт ничего не сказал. Он просто посмотрел в глаза Иви на мгновение, а затем отвернулся. Затем он снова встретился с ней взглядом и глубоко вздохнул.

«Да... я знаю. Моя настоящая проблема в том, что ни одна религия, с которой я когда-либо сталкивался, не может по-настоящему справиться с тем, кем я являюсь».

«Что ты имеешь в виду – «кто» ты?»

«Иви, мне почти сто лет, и я совершил так много зла в своем прошлом, что я не смогу совершить столько добродетельных поступков, которые могли бы стереть все это с лица земли. Сегодня я мог бы отказаться от своих мечей. и проживу еще сто лет каким-то религиозным

отшельником, но это все равно не уравнивает всего того плохого, что я сделал. И это не считая того плохого, что я продолжу делать в будущем. Я старался жить «хорошо». Я не могу этого сделать. Я все еще теряю самообладание. Я все еще ловлю себя на том, что говорю неправду здесь и там. Временами я все еще игнорирую людей, которые в этом нуждаются. Я не могу все время быть хорошим, несмотря ни на что. Как сильно я стараюсь. Я не могу оправдать даже свои собственные ожидания и стандарты. Я, конечно, не могу оправдать ожидания и стандарты святого Бога».

«Геральт, никто из нас не может... но ты хороший. Я вижу это в тебе. Ты пощадил Тайрона. Ты спас меня в баре. Ты вернул меня к жизни. Ты решил не убивать тех солдат в моей каюте. Ты» Вы помогаете мне сейчас. Это все акты самоотверженности и доброты. Доброты».

Он покачал головой. «Иви, на самом деле не имеет значения, как я поступаю. Это не меняет того, кем я являюсь внутри». При этих словах ведьмак встал и отошел на несколько шагов. «Когда люди называют меня мутантом и монстром, они правы. Так и есть».

«Геральт...»

«Нет. Пожалуйста... послушай. Я... мне нужно сказать это. Внутри меня тьма, Иви. Она такая черная и извращенная, что, клянусь, иногда мне кажется, что я действительно слышу ее голос. убивать, уничтожать. Я помню, как был невероятно злым маленьким мальчиком со злобным характером. Но мне пришлось научиться его контролировать. Если бы я вышел из себя с кем-нибудь из своих ведьмачьих инструкторов... вы не представляете "Как строго меня наказывали. Итак, я понял, что мне просто нужно держать это внутри. Либо так, либо использовать это в качестве топлива для тренировок. Затем, после того, как мне впервые дали мутагены, когда мне было десять лет, все стало еще хуже. Мой Гнев превратился в ярость. Но я все еще не мог и не показывал этого внешне. Но внутри он поглотил меня. Затем, после того, как я прошел Испытание Травами и они увидели, насколько хорошо мое тело справляется с обычным набором мутагенов, они решили дать мне больше. Они дали мне экспериментальные мутагены, которые, насколько я знаю, ни один ведьмак никогда не принимал. Вот почему мои волосы поседели и почему мои способности превосходят способности других ведьмаков. Но после этого эта ярость внутри меня стала убийственной. Как будто мутагены не просто мутировали мое тело; они также мутировали мой разум и мою душу. Гнев, который естественным образом был внутри меня, превратился в монстра. Потому что после этого мне захотелось уничтожить всё и всех, кто когда-либо причинял мне хоть малейшее зло. Эта ярость была со мной всю мою жизнь. Итак, люди ошибаются, когда говорят, что я лишен эмоций. У меня есть много. Я их просто не показываю».

В этот момент ведьмак пристально посмотрел Эви в глаза.

«Ты говоришь, что я в порядке? Иви, я хотел убить Тайрона – вонзить клинок прямо ему в сердце. Я хотел убить тех троих солдат в твоей каюте – чтобы посмотреть, как течет их кровь. И тех четырех мужчин, которых я убил, чтобы Спаси тебя... Я наслаждался этим. Тьма во мне кричала от восторга. Как ты можешь говорить, что я хороший?»

Эви долгое время молчала.

"Ладно, Геральт. Думаю, мне было бы обидно спорить с тобой о твоих чувствах. Если ты говоришь, что у тебя внутри есть это чувство, то я поверю тебе на слово. Однако разве это не считается?" за что-либо, что вы не действуете в соответствии с этими желаниями? Возможно, вы хотели убить Тайрона и этих солдат, но факт в том, что вы этого не сделали. Разве это само по себе не доказывает, что вы не монстр? Что вы человек? Что в тебе есть добро? Я верю, что

нас определяют наши мотивы, а не наши чувства, мысли или даже наши действия. И мне ясно, что, несмотря на эти убийственные чувства, ты говоришь, что у тебя есть внутри себя вы пытаетесь творить «добро». Я хочу верить, что Бог - прощающий Бог. Нет, мы не совершенны, но если мы из всех сил стараемся творить «добро», если наши сердца находятся в правильном месте – как, я верю, и ваше – тогда он простит нас за наши неправильные действия. Разве это не дало бы вам мира? Разве это не дало бы вам свободу от страха и вины, зная, что Бог прощает вас?»

«Прощающий бог?» — спросил он, слегка покачав головой. «Дайте мне минуту. Мне нужно время, чтобы подумать об этом».

Геральт закрыл глаза и откинул голову назад, словно в глубокой задумчивости. Он оставался так больше минуты, прежде чем открыть глаза и заговорить.

«Хорошо. Во-первых, я никогда не сталкивался с какой-либо религией, которая бы утверждала, что Бог прощает. Как я уже сказал, каждая религия, которую я изучал, говорит, что я должен заслужить свою праведность своими делами. Их нельзя просто простить. За них нужно заплатить, или уравновесить, или стереть начисто моими добрыми делами. Я также ясно дал понять, что не верю, что это вообще возможно для меня.

«Кроме того, идея прощения звучит великолепно, но мое чувство справедливости никогда не позволило бы мне поверить в прощающего бога, потому что прощающий бог не может быть одновременно и справедливым богом».

— Подожди. Объясни мне это, пожалуйста.

«Прощение – это противоположность справедливости. Как я уже говорил ранее, мое определение справедливости заключается в том, что я получаю то, что заслуживаю – хорошее или плохое. Но прощение – это когда я не получаю того, что заслуживаю. Если я нарушаю закон, и Я стою перед мировым судьей, который собирается решить мою судьбу, и если он меня накажет, это справедливость. Я заслуживаю этого наказания. Но, если я стою перед тем же мировым судьей, и он просто позволяет мне Если хочешь, можешь называть это прощением. Но чем оно явно не является, так это «справедливостью». "Невозможно примирить эти два понятия - прощение и справедливость. Поэтому я просто не могу понять, как справедливый бог может быть одновременно и прощающим богом. И если вы скажете мне, что Бог не справедлив и не справедлив, то я буду честно говоря, это не тот бог, которому я хочу поклоняться. Это не тот бог, которому я хочу доверять и которому я хочу следовать. Это определенно не даст мне покоя».

«Итак, каким же должен быть Бог, чтобы вы доверяли ему и следовали за ним – или за ней, или за ним?»

«Для простоты – чтобы нам не приходилось постоянно говорить «он, она или оно», давайте просто называть Бога «он». Чтобы поклоняться богу, я должен знать, что он представляет собой три вещи. И он должен быть всеми тремя из этих вещей. Просто быть двумя из трех не получится».

«Хорошо. Какие три вещи?»

«Бог должен быть «всемогущим», «всемудрым» и «всеблагим», чтобы я мог ему доверять. Если что-то меньшее, я никогда не смогу доверить этой сущности свою жизнь. И под «всеобщим добром» я говорю о множестве качеств, таких как моральная правота, чувство справедливости, любящая доброта, верность своим обещаниям и так далее».

«Почему ему нужно быть всеми тремя из этих вещей?»

«Ну, скажем так, что он обладает только двумя из этих качеств. Скажем, он «всемогущий» и «всемудрый», но не «вседобрый». Конечно, это бог, которому я бы сделал все возможное, чтобы подчиниться, хотя бы по той причине, что я боялся, что если я этого не сделаю, то он уничтожит меня. Но я бы не стал доверять этому богу. Если бы он "не все хорошо", то я бы не поверил, что его планы отвечают моим интересам. Я бы не поверил, что он заботится обо мне. Этот бог - хотя и могущественный и мудрый - также может быть никем иным, как злобным, мстительным богом ... Так что даже если бы я подчинился ему, это было бы не чем иным, как неохотным подчинением. Это определенно не тот бог, который вселил бы в меня какой-либо покой ума или души. И этот бог не дал бы мне свободу от страха».

«Это имеет смысл. Я могу с этим согласиться. А что если бог «вседобрый» и «всемудрый», но не «всемогущий»?

«Ну, это бог, о котором я, безусловно, буду заботиться и с которым хотел бы иметь отношения. Если бы он был «всем добрым», полным праведности и любви, тогда я мог бы знать, что он действительно заботится обо мне. мудрый", то он бог, у которого я бы непременно хотел получить ответы. Но и с этим богом у меня не будет ни душевного, ни душевного спокойствия, потому что если он не "всемогущий", то это означает, что его планы "можно помешать. Либо ему помешают другие боги - злые боги - или любой из нас, существ здесь, на планете. Если бог не является "всемогущим", то это означает, что он не контролирует Вселенную, не контролировать события, происходящие на этой планете, а не контролировать то, что происходит в моей жизни. Я мог бы верить, что этот бог думает о моих интересах и что у него есть великий план, но я не могу поверить, что он на самом деле имеет возможность реализовать и реализовать этот план. В этом сценарии мира тоже нет».

«А бог, который «всемогущий» и «вседобрый», но не «всемудрый»?»

Геральт кивнул. «Опять же, я бы попытался подчиниться этому богу, потому что он «всемогущий». И я бы также хотел отношений с этим богом, потому что он «все хорош». Однако, если он не «все мудр», то как я могу по-настоящему верить, что его планы лучшие? Если он не все мудр, то это означает, что он может иногда допускать ошибки - что его решения могут быть неправильными. Это означает, что планы, которые он считал лучшими, на самом деле таковыми не являются. Я не могу по-настоящему доверять такому богу. Всегда будут сомнения в том, что его приказы были верны. "На самом деле это лучший образ действий в моей жизни. Возьмем, к примеру, вопрос секса. Кажется, что все религии - и, соответственно, боги этих религий - имеют определенные убеждения и заповеди относительно секса. И это происходит от один конец спектра - что секс - это то, от чего нам следует воздерживаться или что он предназначен только для продолжения рода, а не для удовольствия - на другом конце спектра - что в нашей сексуальной жизни нет ограничений, что мы можем делать все, что хотим, когда захотим, с кем захотим. Но если бог не «всемудр», то как я могу верить, что его повеления относительно секса - или чего-то еще в этом отношении - действительно верны? Я не могу. В этом случае, возможно, я на самом деле знаю, что лучше для моей жизни, лучше, чем он.

«Если Бог не «всемогущий», «всемудрый» и «всеблагий», тогда я не могу ему доверять. А если я не могу доверять ему, то как я могу когда-либо обрести внутренний покой и свободу от страх?"

«Итак, подводя итог, единственная религия, которой вы готовы следовать, — это та, в которой бог — — и при этом Иви начала тикать пальцами — «всемогущий», «всемудрый», «вседобрый».

», полный любви и сострадания, и в то же время справедливый и всепрощающий. Это правда?»

На лице Геральта появилась легкая ухмылка. «Ну, когда ты говоришь это вслух, это звучит немного невозможно, да?»

Эви ухмыльнулась в ответ. — Совсем немного. Ты нашел этого бога?

"Неа."

— Тогда, Геральт, о чем вообще эта дискуссия? Почему ты спросил меня о боге, когда я спросил тебя, почему ты мне помогаешь?

«Это связано с тем, что вы упомянули раньше – с тем, что вы сказали, что я хороший человек».

«Что ты отрицал. Ты утверждаешь, что в тебе есть только тьма, верно?»

"Вообще-то, нет."

На лице Эви было растерянное выражение. Геральт поднял руку и продолжил: «Если бы я согласился с тобой, что во мне действительно есть добро, как бы ты объяснил наличие этого добра?»

Иви на мгновение задумалась.

«Как я уже говорил ранее, твоя способность не действовать в соответствии со своими темными побуждениями показывает, что ты «хороший», что ты человек, а не мутант или монстр».

«Мне интересно, что вы приравниваете мою «доброту» к моей человечности. Я не могу с вами не согласиться».

«А почему?»

«Помнишь, несколько дней назад я немного разглагольствовал о том, что мы не выходим из утробы с предубеждениями? Что нас нужно этому учить?»

Эви кивнула.

«Ну, хотя мы, возможно, и не выходим из утробы предвзятыми, я считаю, что мы выходим из утробы совершенно эгоистичными – замкнутыми на самих себе. Хотя я никогда не воспитывала младенца, за свои сто лет я видел их достаточно, чтобы понять, что такое наша природа – человеческая природа. Это некрасиво и нехорошо».

«Что? Такие маленькие дети злые?»

«Ну, они, черт возьми, не невинны и не добры».

«Ой, давай!»

«Я серьезно. Хотя нас нужно учить фанатизму, нас не нужно учить нечестности, эгоизму, насилию или ревности. Это в нашей природе. Мы рождаемся с этим. Я приведу вам пример. Вы когда-нибудь видели группу двухлетних детей? Вы видели их, когда они не добиваются своего? Они кричат, плачут, бьются, пинаются, кусаются. Никто их этому не учил. Никто их этому не учил, если вы не добиваетесь своего, тогда правильно кусать кого-то. Никто не моделирует для них такое поведение. Это только в них. И никто не должен учить маленького ребенка лгать.

Это только в них. Никто их не сажает и говорит: «Теперь я понимаю, что все, что вы умеете делать, это говорить правду, но я собираюсь преподавать вам ценный урок – искусство обмана». Нет, во всяком случае, детей нужно учить прямо противоположному. Их нужно учить, что лгать неправильно. Их нужно учить, как и почему делиться с другими. Их нужно учить не проявлять насилия, когда они этого не делают. "Я не добьюсь своего. Их нужно научить тому, что если они увидят другого ребенка с лакомством, то нельзя просто подойти, сбить ребенка с ног и забрать его. И если они не усвоят эти уроки, когда Если они молоды, то вырастут нечестными, эгоистичными, жестокими и ревнивыми взрослыми. И даже если они узнают, что демонстрировать такое поведение социально неприемлемо, это не означает, что эти побуждения все еще не находятся внутри них. "Так же, как я научился в Каэр Морхене. Я научился не показывать свою ярость по отношению к своим инструкторам, но она все еще была там. Всегда. Итак, я вообще не верю, что какая бы "доброта" во мне ни была, это моя человечность. На самом деле, если я чему-то и научился, так это тому, что тьма — это моя человечность ».

«Хорошо. Я не обязательно с тобой согласен, но если ты говоришь, что твоя доброта — это не твоя человечность, то, как ты сказал, это то, чему ты научился, когда был моложе. Кто-то, должно быть, научил тебя заботиться о других. Кто-то должен привил тебе сильное чувство честности и справедливости. Я слышал, как ты с любовью отзываешься о человеке по имени Весемир. Похоже, ты уважал его».

«Я так и делаю, но... я много думал об этом. Весемир был самым добрым инструктором, который у меня был в Каэр Морхене, но, честно говоря, это мало что говорит. Остальные были пограничными садистами. И хотя он сильно смягчился и относился ко мне как к равному после того, как я закончил обучение, он все еще имел серьезные недостатки. Я имею в виду, подумайте об этом. Какой взрослый возьмет маленького мальчика - восьми или девяти лет - и подвергнет его Испытанию Травмами - самая мучительно болезненная вещь, через которую я когда-либо проходил в своей жизни? Процесс настолько смертелен, что вероятность выживания составляет всего двадцать пять процентов. Какой человек делает это? И это не так, как если бы это было сделано для с какой-то альтруистической целью. Это было сделано не потому, что я умирал, и это был единственный способ спасти мою жизнь. Это было сделано не для того, чтобы спасти мир от Белого Мороза. Нет, он заставил меня - и многих других - пройти через этот ад только для того, чтобы я мог убивать монстров - за деньги. Я прошел через все это, чтобы, по сути, стать крысоловом. Да, они действительно большие и злые крысы, но я, тем не менее, всего лишь крысолов.

«Теперь я признаю, что Весемир, несмотря на то, что он был невероятно требовательным учителем, также проявлял ко мне доброту. И он пытался научить меня проявлять элементарную вежливость по отношению к другим. И он преподавал мне много других ценных уроков - например, о преимуществах самодисциплины и трудолюбия. Но чему он меня точно не научил, так это заботе о слабых. Он не научил меня стоять за угнетенных. Он точно не научил меня самоотверженно жертвовать. На самом деле, если он пытался меня чему-то научить, только не заниматься ничем, кроме убийства монстров и сбора монет. Я до сих пор слышу его слова в своей голове. «Не вмешивайся, Геральт».

«Итак, мы наконец вернулись к вашему вопросу - почему я помогаю вам. Я признаю, что обладаю сильным чувством справедливости, правильного и неправильного. Я признаю, что большую часть времени меня волнует слабый и угнетенный. Я действительно хочу помогать нуждающимся. Но я не могу объяснить, откуда все это берется. Я не верю, что это моя человечность, что она заложена во мне от природы. И я не верю, что это все, чему меня когда-либо учили. Итак, мое единственное объяснение... это то, что это то, что Бог вложил в меня. Что-то, что он вложил в меня, чтобы бороться с тьмой. И именно поэтому я верю, что Бог

существует.

«Так вот, я не знаю, кто этот бог. Я ничего о нем не знаю – хотя я вполне уверен, что он не является богом ни одной из религий, с которыми я когда-либо сталкивался. Я даже знаю, почему он решил каким-либо образом коснуться моей жизни, и я, конечно, не знаю, чего он в конечном итоге от меня хочет. Я надеюсь, что однажды он раскроет мне себя и свои планы. Но именно поэтому я могу бороться с тьмой, которая во мне. Именно поэтому я защищаю слабых. И именно поэтому я помогаю тебе».

К этому моменту Геральт снова стоял на коленях перед Эви, и она пристально смотрела на него.

«Как давно у вас были эти убеждения?»

Геральт опустил взгляд и слегка покачал головой.

«Честно говоря, не знаю. Вообще-то, я впервые высказала свои мысли о нем или о том, что чувствую внутри. Но... думаю, я знаю уже давно. Я просто не узнавала Или, может быть, я знал, но просто не хотел этого признавать».

"И что теперь?"

«Теперь... думаю, я просто начну стараться лучше осознавать его лидерство».

— И к чему он тебя ведет?

Ведьмак пристально посмотрел ей в глаза. «Чтобы помочь вам, чем смогу».

Сказав эти слова, Геральт заметил странное выражение на лице Эви, и она отвела от него глаза.

«Что такое? Я сказал что-то не так?» он спросил.

Эви покачала головой. «Нет. Даже близко. Это... я. Я...»

Она подняла глаза, чтобы посмотреть на него, но быстро снова опустила взгляд. Геральт молчал, просто смотрел на нее, давая ей время. Когда она заговорила снова, ее голос был едва выше шепота.

«Геральт, если бы ты знал, где находится меч, ты бы захотел его найти? Ты бы захотел завладеть им?» — осторожно спросила она.

Ведьмак продолжал смотреть на нее. Затем недостающая часть головоломки, касающаяся ее рассказа о фолианте – та часть, которая терзала его разум – встала на свое место.

«Сукин сын. Знаешь. Ты знаешь, где это», — сказал он, недоверчиво покачав головой.

Он быстро встал и отвернулся. Он вдруг понял, что чувствует себя преданным, обиженным тем, что она скрыла это от него. После всего, что он для нее сделал, после всех интимных подробностей своей жизни, которыми он поделился с ней, включая его борьбу со смертью Цири, она не доверяла ему настолько, чтобы рассказать ему. И тут же гнев заполнил его разум. Он почувствовал желание причинить ей боль в ответ. Заставить ее почувствовать ту же боль, которую он сейчас чувствовал.

Затем он закрыл глаза и глубоко выдохнул. «Нет, это говорит тьма. Тебе не обязательно ее слушать. Ты заботаешься об этой женщине. Ты не хочешь причинить ей боль. Ты хочешь защитить ее».

Когда он открыл глаза и повернулся к ней лицом, он увидел слезы, текущие по ее щекам, и до него дошло, что он не только не хотел причинять ей боль, но ему и не нужно было причинять ей боль. Она наказывала себя. Если и было что-то, что ведьмак знал, так это вина и самообвинения, и он ясно видел раскаяние на ее лице.

«Мне очень жаль, Геральт. Я знаю, что должен был сказать тебе с самого начала, но я... я не знаю, почему я сдерживался. Последние два дня я чувствовал себя виноватым из-за того, что не говорил обо всем откровенно, и Я хотел тебе сказать. Я просто не знал, как поднять эту тему в разговоре. Я боялся, что ты рассердишься из-за того, что я не был с тобой честен». Иви говорила быстро, извиняясь, не переводя дыхания.

Геральт опустил перед ней на колени, но она не посмотрела на него.

— Эви, посмотри на меня, пожалуйста. Когда ее глаза наконец встретились с его, он продолжил. «Не нужно извиняться. Ты не сделал ничего плохого. Я никогда прямо не спрашивал тебя, знаешь ли ты о местонахождении меча. Так что это не значит, что ты на самом деле мне солгал. Тогда узнай меня. Много произошло между нами за последние два дня, так что... Я не виню тебя за то, что ты не полностью доверяешь мне эту информацию. Черт, в тот момент я тоже кое-что скрывал – как и Цири – от тебя. У нас обоих были секреты. Так что все в порядке».

— Итак, ты меня прощаешь?

Геральт улыбнулся и кивнул ей. «Я не думаю, что есть что-то, что можно прощать, но да, я прощаю. Тем не менее, мне нужно спросить сейчас – есть ли что-нибудь еще о мече, фолианте или пророчестве, что мне следует знать?»

«Нет. Не то чтобы я мог это придумать. Ну, за исключением его местоположения. Я не знаю, где именно он находится, но фолиант все же оставил некоторые подсказки. В нем говорилось, что...»

— Подожди, — прервал его ведьмак, подняв руку. — Я... я не хочу знать.

На лице Эви отразилось растерянность.

— Что? Но почему?

«Вы спросили меня, знаю ли я, где он находится, хочу ли я обладать этим мечом. И... я думаю, что ответ — «нет». Учитывая тьму внутри меня, учитывая то, на что я знаю, что способен, было бы лучше, если бы я никогда не держал в руках этот меч. Я не доверяю себе такую силу. Черт, я не доверяю никому с такая сила. Ты сам это сказал – будет безопаснее, если ни у кого ее никогда не будет».

Эви просто кивнула головой. «Ладно... знаешь, тот факт, что ты этого не хочешь, заставляет меня доверять тебе еще больше». На ее лице была улыбка.

Ведьмак ухмыльнулся. «Все это часть моего коварного плана».

Ее улыбка стала шире, и она спросила: «Итак, мы только что поссорились?»

Геральт внезапно вспомнил некоторые эпические ссоры, которые у него были с Йеннифэр на протяжении многих лет.

«Хм. Вряд ли. Просто два несовершенных человека, пытающихся лучше понять друг друга». И тут в его глазах появился блеск. «Хотя, если бы это была драка, то это значит, что нам придется помириться, верно?»

На лице Эви появился румянец.

— Конечно, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. «Это единственный правильный поступок».

Геральт почти физически чувствовал желание, исходящее от Эви. Но когда он поочередно переводил взгляды с ее глаз на ее очень целуемые губы, внутри него внезапно началась война, и он начал мысленно пинать себя.

' Какого черта ты только что сказал это? Зачем ты вообще с ней флиртуешь?

Голос говорил ему, что это только усложнит ситуацию. Он выкрикивал предупреждения - предупреждения о том, что это кончится для него плохо, скорее всего, еще одной душевной болью. Потому что какая женщина в здравом уме действительно захочет остаться с ним?

«Итак, откуда взялась эта мысль?» — спросил он себя. «И когда ты стал таким неуверенным в себе? Ты переспал с некоторыми из самых красивых женщин континента. Что, черт возьми, происходит?»

Геральт внезапно оказался в центре кризиса, потому что давно подавляемые эмоции теперь вышли на поверхность. В прошлом году горе из-за смерти Цири «сломало» что-то внутри него. Это сломало его стоицизм, его способность просто игнорировать отвлекающие чувства внутри. И теперь эти отвлекающие мысли, подогреваемые чувством неуверенности, наводнили его разум в самый неподходящий момент.

Внезапно Геральт впервые увидел себя очень ясно. Он понимал это всю свою жизнь - даже несмотря на то, что он никогда не говорил об этом никому другому и даже сам по-настоящему сознательно осознавал это до сих пор, он чувствовал себя непривлекательным. Иначе почему его мать - единственный человек в мире, который должен был любить его больше всех остальных - бросила его в детстве ведьмакам? Должно быть, в нем было что-то нехорошее, что-то, что она могла видеть в нем даже в детстве. В глубине души он знал, что недостойн любви. Именно поэтому он поверил их словам, когда люди называли его уродом и мутантом. Они тоже это видели. Именно поэтому он так долго оставался с Йеннифэр, несмотря на то, как плохо она обычно с ним обращалась. В глубине души он чувствовал, что просто заслуживает такого обращения.

И помимо врожденного недостатка, которым он, очевидно, обладал, ему также приходилось иметь дело с последствиями мутаций - в частности, с его неспособностью производить детей. Он считал, что если он и узнал что-нибудь о женщинах за свой век жизни, так это то, что у всех них было два глубоких желания - желание чувствовать себя в безопасности и желание иметь детей. Итак, как, черт возьми, он, бесплодный ведьмак, без дома и с жизнью, полной опасностей, сможет когда-либо по-настоящему удовлетворить хотя бы одно из этих двух желаний? Он просто не мог. И именно поэтому, несмотря на свою тягу к общению, он редко подпускал кого-либо близко. Он знал, что если он позволит кому-нибудь увидеть себя настоящего, они увидят в нем непривлекательного обманщика, которым он был, и откажутся остаться. И смотреть, как они уходят, как он видел, как Трисс ушла из порта Новиграда, было

чертовски больно. Вот почему он обычно искал только отношения, которые были обречены с самого начала. Вот почему он разорвал отношения до того, как они стали слишком серьезными. Вот почему он проводил так много времени в борделях. Вот почему у него почти всегда были свидания с волшебницами. По крайней мере, их неспособность произвести на свет детей не могла разочаровать, поскольку они тоже были бесплодны.

Но какими бы сильными ни были эти глубоко укоренившиеся чувства, теперь их заглушало другое желание – его желание держать женщину перед собой, желание соединиться с другой душой в этом одиноком мире, желание услышать кого-то. скажите: «Ты имеешь значение». Он просто хотел чувствовать себя любимым. И в тот момент, когда он смотрел в глаза Иви, это желание взяло верх.

«Итак, хватит негативных мыслей. Перестань вести себя как охваченный тревогой подросток. Она хочет этого, и ты хочешь этого, так что просто будь в данный момент и поцелуй ее», - сказал он себе .

Геральт наклонился вперед, положил руки на землю рядом с ней и нежно поцеловал ее в губы. Поцелуй затянулся и углубился, и Иви обняла его и крепко прижала к себе. Когда его разлило тепло, он поставил Иви на колени, так что их тела прижались друг к другу. Некоторое время они продолжали целоваться, но, в конце концов, он отстранился, а затем уткнулся лицом в ее шею и глубоко вдохнул аромат ее кожи и волос. Она все еще слабо пахла ванилью. Он знал, что это был запах мыла, которым она пользовалась, а также знал, что этот запах навсегда останется у него в памяти с женщиной в его объятиях. Так они и стояли на коленях в крепких объятиях несколько минут, просто держа друг друга. В конце концов Иви нарушила молчание.

«Мое сердце в беспорядке, Геральт. Пожалуйста, будь с ним помягче». Она почувствовала, как он кивнул головой.

«Я сделаю», — прошептал он ей на ухо, а затем спросил: «Ты же знаешь, что я не могу зачать детей, верно?»

«Да. Я знаю. И мне все равно».

При этом Иви услышала, как Геральт глубоко вздохнул. Затем он откинул голову назад, чтобы посмотреть ей в лицо. Они оба не видели в друг друге ничего, кроме нежности. Она подняла правую руку и осторожно провела средним пальцем по его длинному шраму на лице.

«Я обещаю, что постараюсь не причинить тебе вреда. Хорошо?»

"Это было бы чудесно."

Он наклонился и снова поцеловал Эви, а когда отстранился, заметил на ее лице широкую улыбку – улыбку, которая дошла до ее глаз.

«Я не могу поверить, что встретила тебя всего неделю назад. Это была самая сумасшедшая неделя за всю историю», - сказала она со смехом.

— Добро пожаловать в мою жизнь, — сказал ведьмак с ухмылкой.

В конце концов они поняли, что, как бы им ни хотелось, они не смогут целый день оставаться в объятиях друг друга под тенью дерева. Когда они двинулись к своим лошадям, Геральт повернулся к Иви и сказал: «Знаешь, на самом деле есть вторая причина – помимо Бога – почему я помогаю тебе».

«После твоего первого ответа, кажется, я боюсь спрашивать». Она подняла бровь на ведьмака.
"Так?"

«Что-нибудь, что расстроит Королевского Ублюдка, тогда подпишите меня на это», - ответил он с ухмылкой.

«Теперь в это я верю».

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3412548>